

Котлярова Анастасия

КРОВЬ ТЕЙЛОРА

Анастасия Котлярова

Кровь Тейлора

<https://litres.ru/74650312>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ледник Тейлора в Антарктиде кровотоцит уже два миллиона лет. Никто не знал, что в его подлёдном озере скрыта жизнь, способная изменить Солнечную систему. Пока однажды эта жизнь не попала в кровь женщины с редчайшим фенотипом — и не показала ей, как оживить мёртвую планету.

Теперь Ева Каспар и ещё трое доноров с «золотой кровью» летят на Марс. Они не герои. Они — ключи. И один из них готов стать голосом новой планеты навсегда.

Анастасия Котлярова

Кровь Тейлора

КРОВЬ ТЕЙЛОРА

Пролог. Белое безмолвие

Ледник Тейлора в Антарктиде тысячелетиями сползал к морю, сминая под собой скалы. И там, где образовывались трещины, сочилась вода. Кроваво-красная, густая от железа, тёплая, несмотря на минус пятьдесят снаружи, она текла по белому льду алыми змеями, пульсируя, словно в толще ледника билось огромное сердце. Полярники, впервые увидевшие это чудо, крестились и обходили его стороной. А учёные дали феномену имя, известное и по сей день — Кровавый водопад.

Станция «Тейлор-1» висела в толще ледника, как муха в янтаре.

Двести метров льда над головой и пятьдесят — под платформой, ведущей к зеркальной поверхности подледного озера, не видевшего солнца уже два миллиона лет. Снаружи — Сухие долины Мак - Мердо: минус сорок, сильные кatabатические ветры и ржавые скалы. Внутри — гул дизелей, белый свет ламп и запах озона от оборудования.

Доктор Ева Каспар сидела перед монитором в лабораторном отсеке и смотрела на цифры.

— Ты опять не спала, — Аарон Штерн неожиданно возник в дверном проёме с двумя контейнерами кофе. Руководитель станции, биохимик, замечательный администратор и самый лучший друг в одном лице.

Штерн поставил кофе рядом с клавиатурой и взгляделся в графики.

— Опять кривые роста?

— Нет, — Ева ткнула пальцем в пик на спектрограмме. — Вот. Видишь? Это двухвалентное железо в растворе. Концентрация стабильна сорок восемь часов. Хотя по всем законам химии здесь должен быть сплошной гематит.

— Ну, они же анаэробы.

— Дело не в кислороде, Аарон. А в том, что это железо организовано. Оно не выпадает в осадок хаотично. Посмотри сам.

Штерн промолчал, глядя на структуру, которая больше подходила для учебника по кристаллографии, чем для микробиологии.

Она вывела на экран увеличенное изображение. В толще пробы, взятой из озера этим утром, кристаллы оксида железа образовывали не ржавую взвесь, а нечто похожее на микроскопические соты. Слишком правильные. Слишком... инженерные.

— Это не просто бактерии, — сказала Ева тихо. — Они что-то строят. Два миллиона лет в полной изоляции, без единого фотона, без молекулы кислорода. Они не выживали,

Аарон. Они — работали. Такие экосистемы уже находили в подлёдных озёрах Антарктиды — Восток, Мерсер. Но никто не видел, чтобы они строили структуры. Наш штамм — уникален. Живой архив ранней Земли. И он ждал, пока кто-то его прочитает.

— Или пока кто-то его не разбудит, — тихо добавил Штерн.

Где-то глубоко под ними, во тьме, рассол перемещался по трещинам ледника. Насосы буровой установки, питаемые реактором «Шельф» — арктической разработкой «Росатома» для автономных полярных станций, работали в автоматическом режиме, забирая очередную пробу с глубины.

Неожиданно система выдала предупреждение о нестабильности пласта. Такие уведомления приходили по несколько раз в день — стандартная плата за глубокое бурение. Оператор машинально сбросил его и потянулся за кофе.

Глава 1. Контакт

Это произошло в 04:17 по местному времени.

Ева находилась в буровом отсеке, проверяя герметичность кернохранилища, когда сирена разорвала тишину. Не прерывистый сигнал общей тревоги, а ровный, нарастающий вой — предупреждение о выбросе.

— Давление в скважине семь-альфа! — голос оператора в динамике. — Разгерметизация узла! Повторяю, разгер...
Последовал гидроудар.

Труба диаметром сорок сантиметров лопнула по сварно-

му шву, и в отсек ударила струя рассола. Ледяная, тёмная, пахнувшая железом и чем-то ещё. Вода попала Еве на лицо, на открытые участки рук, просочилась под воротник защитного костюма.

Первой реакцией был не страх, а холод. Не физический — метаболический. Как будто что-то живое коснулось её кожи и мгновенно начало проникать внутрь. Не через поры — через сам эпителий.

Она попыталась закричать, но голос пропал. Лёгкие сжались, изгоняя воздух, и вместо вдоха пришло странное, текучее ощущение — как будто кровь в венах стала теплее и тяжелее.

Система аварийного пожаротушения включилась автоматически. Пена. Герметизация. Отсек задраили за сорок секунд.

Когда Штерн с медиками вскрыли люк, Ева лежала на полу, свернувшись в позу эмбриона. Она была жива. Дышала. Пульс — сорок ударов в минуту. Температура тела — тридцать три градуса.

По её рукам, от запястий к локтям, бежали тонкие рыжие нити. Словно вены проступили сквозь кожу, но не синим, а ржавым цветом.

— Что это? — спросил кто-то из медиков.

Штерн взял её запястье, повернул к свету. Нити не были венами. Они двигались. Медленно, почти незаметно, но они росли.

— Археи, — прошептал он. — Они проникли в кровоток.

— Но она должна быть мертва, — возразил медик. — Сепсис, окисление гемоглобина, полиорганная недостаточность... С такой концентрацией железа и сульфатов — это смерть за минуты!

Штерн перевёл взгляд на медицинский браслет Евы. Тот передавал данные в реальном времени. Сатурация кислорода: 98%. Уровень железа: повышен. pH крови: 7,1 — и это была единственная аномалия.

— Она не умирает, — сказал Штерн. — Они не убивают её.

Он помнил медицинскую карту Евы. Редчайший фенотип Rh-null. Отсутствие антигенов D, C, c, E, e. Кровь, которую можно перелить любому человеку на планете. «Золотая кровь», за которой охотились исследовательские центры по всему миру.

Археи, вырвавшиеся из изоляции, были запрограммированы атаковать человеческие клетки. Их оружие — лектиновые рецепторы, настроенные на стандартные сахара гликокаликса. Но у Евы этих сахаров не было. Ключ, который они точили эпохами, не подошёл к замку.

И вместо атаки началось нечто другое.

— Горизонтальный перенос генов, — прошептал Штерн. — Боже, они пытаются договориться.

На мониторе медицинской системы одна за другой вспыхивали строчки кода. Митохондрии Евы — её собственные

энергетические станции — принимали чужие сигналы. Не отторгали их. Отвечали.

Ева открыла глаза.

— Я их слышу, — сказала она. — Не в голове. В крови. Это не инфекция, Аарон. Это...

Она замолчала, глядя на свои руки. Рыжие линии остановили рост и теперь пульсировали — медленно, ритмично, в такт сердцу.

— ...интерфейс.

Глава 2. Золотая кровь

Медицинский отсек превратился в исследовательский центр за три часа.

Ева сидела на койке, подключённая к десятку датчиков. Штерн лично брал пробы, сверяя их со спектрометром. Результаты не укладывались ни в один учебник.

— Концентрация двухвалентного железа в плазме снижается, — сказал он, не веря собственным словам. — Но трёхвалентное железо не растёт. Оно не окисляется. Они его связывают.

— Во что? — спросила Ева.

— В магнетит. Кристаллический магнетит. Они строят из твоего железа наночастицы и укрепляют ими мембраны клеток.

Ева закрыла глаза. Она чувствовала это. Не как боль, а как странное, почти приятное тепло в костях. Археи проникли в костный мозг. Они встраивались в стволовые клетки, ме-

няя программу кроветворения. Каждая новая клетка крови, рождённая её телом, теперь несла в себе симбионта.

— Я могу дышать без кислорода, — сказала она.

— Что?

— Не знаю, откуда я это знаю, но так и есть. Они переключили мой метаболизм. Если я не вдыхаю кислород, они начинают восстанавливать сульфаты. Диссимиляционная сульфатредукция. Прямо в крови.

Штерн выронил пробирку.

— Ты человек, Ева. У тебя нет ферментов для сульфатредукции.

— Теперь есть. Они дали мне свои гены. Не все — только те, что нужны для анаэробного дыхания.

Повисла пауза. Медицинский монитор тихо пищал, отсчитывая удары сердца. Сорок в минуту. Сорок.

— Это оружие, — сказал Штерн. — Понимаешь, ты теперь — самое ценное, что есть на этой планете!

Ева медленно подняла руку. Рыжие линии под кожей стали ярче. Они образовывали узор. Не случайный — геометрический.

— Это не оружие, Аарон. Это карта.

— Карта чего?

— Того, что они строили два миллиона лет. Они сохранили информацию о том, как жить на планете без кислорода. Без растений. Без всего, что мы считаем необходимым.

Штерн ничего не ответил. Он знал: прямо сейчас десятки

компаний по всему миру бились над этой задачей. Искали способ превратить мёртвую планету в живую — и не находили. А здесь, в Антарктиде, на краю земли, ответ, возможно, нашёлся сам. Археи из Кровавого водопада — не просто микробы. Их ДНК не совпадает ни с одним известным штаммом. Они сумели эволюционировать в среде с высоким содержанием железа и научились использовать его как строительный материал.

— Это шанс, — тихо сказала Ева. — Возможно, единственный. И мы не должны его упустить.

Вечером, оказавшись, наконец, наедине с собой, Ева включила диктофон.

«День первый после аварии. Я всегда думала, что смерть — это холод. Нас учили: гипотермия, отказ органов, тишина. А оказалось — тепло. Они сумели встроиться в мою кровь. Я чувствую их. Это не больно. Просто... непривычно. Как будто внутри выросло что-то, чему ещё нет названия. Штерн боится за меня. Я это вижу. Но мне почему-то спокойно. Интересно, кем же я стала».

Ева отложила диктофон, закрыла глаза и невольно провалилась в воспоминания.

Ей было девять. Первая плановая диспансеризация перед школой. Она не боялась. Мама заполняла анкеты, а её отправили в процедурный кабинет. Лаборантка — пожилая женщина с усталыми глазами и родинкой на подбородке, попросила закатать рукав.

Когда пробирка наполнилась, медсестра замерла. Она встряхнула пробирку, поднесла к свету, покрутила в пальцах. Кровь внутри была не однородной — она расслаивалась, а плазма над тёмным столбиком была розоватой, словно в неё капнули сироп. Медсестра пробормотала что-то про гемолиз, взяла вторую пробирку, потом третью. На её столе стояла белая пластинка с лунками — она капнула кровь в четыре кружка и добавила какие-то капли из пузырьков. Прошла минута. Женищина перевернула пластинку, посмотрела на свет, и её брови поползли вверх. Агглютинации не было ни в одной лунке. Вообще. Она посмотрела еще раз на пробирку, потом на пластинку, потом снова на пробирку. Пробурчав что-то непонятное, медсестра быстро вышла.

Мама стояла в коридоре, я слышала её голос — она с кем-то спорила. Потом пришёл врач, не наш участковый, а другой, седой и очень серьёзный. Он снова взял у меня кровь — уже из вены.

Через неделю нас вызвали в Москву. Ещё через месяц — в Женеву.

Я тогда не понимала, что происходит. Мама всё время плакала, а папа говорил: «Это не болезнь, это особенность».

Моя кровь была чистой, как белый лист, и поэтому подходила любому человеку на планете. Rh-null — полное отсутствие резус-антигенов на поверхности эритроцитов. Универсальный донор. Золотая кровь.

Глава 3. Консорциум

ИСА объединял двадцать семь стран, три частные крупнейшие корпорации и «Росатом». Все, кто хотел сделать Марс живым, работали под его эгидой.

Через двенадцать часов после аварии на станции «Тейлор-1» была срочно созвана конференция. На главном мониторе возникли три фигуры.

Двое — аналитики ИСА, Международного Консорциума Астробиологии. Третьего Ева узнала сразу — доктор Кейтаро Исида, глава биоинженерного отдела «Марсианской Инициативы Обитаемых Миров» — MHWI. Сухой, сдержанный, с лицом человека, который не удивляется ничему. Он руководил проектом CUBES до того, как тот перерос в полноценную колонизационную программу. Теперь в его руках были судьбы десятков технологий, от генной инженерии до реакторов Сабатье.

— Доктор Каспар, — начал Исида без предисловий. — Мы изучили данные, которые передал доктор Штерн. Ваша кровь. Ваш метаболизм. Ваш... симбиоз.

— И? — спросила Ева.

— Это прорыв! Вы, вероятно, уже и сами это поняли.

— Я поняла, что не умираю. И что археи не просто выжили во мне — они адаптировались. Они переписали мои митохондрии. Я теперь гибрид. Анаэробный гибрид.

На линии возникла пауза. Один из аналитиков что-то набирал на клавиатуре, невидимой за кадром.

— Доктор Каспар, — снова заговорил Исида. — Вы зна-

ете, что такое перхлораты?

— Соли хлорной кислоты. Основной токсичный компонент марсианского реголита. Концентрация до одного процента. Разрушают щитовидную железу, взрывоопасны при нагреве, делают почву непригодной для сельского хозяйства без промывки.

— Верно. А вы знаете, что дикие археи Тейлора, которые сейчас живут в вашем костном мозге, продемонстрировали способность восстанавливать перхлораты до хлорида и кислорода?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.